

Литература

1. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782 — 1796): в двух книгах / автор-сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. Кн. первая: тексты. Тюмень, 2008. 352 с.
2. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782 — 1796): в двух книгах / автор-сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. Кн. вторая: указатели. Тюмень, 2008. 204 с.
3. Словарь русских говоров Сибири: в 6 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 1-6.
4. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. 179 с.
5. Словарь русского языка XVIII века / под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984-1991. Вып. 1-6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>.
6. Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. 828 с.
7. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1992. 252 с.

Л. Э. Комарова, г. Сургут

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В АНТРОПОНИМИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Ментальность в современной лингвистике определяется как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Маслова 2010: 49], как система неосознанных представлений, верований, ценностей, традиций, моделей поведения и деятельности различных этнических и социальных групп, слоев, классов общества [Радбиль 2010:51]. Это понятие включает в себя ценностное содержание (систему норм, идеалов и ценностей), этическое содержание (представления о добре и зле и пр.), эстетическое содержание (представления о прекрасном), прагматическое содержание (систему поведенческих стереотипов и норм поведения) и др.

С ментальностью частично пересекаются такие понятия, как «национальный характер», «национальная культура» и «национальная картина мира». Неотъемлемой частью картины мира является образ человека, предстающий в характеризующих его номинациях. Выделяют несколько моделей, кодов проявления ментальности, это прежде всего символы или знаки (к их числу относятся и антропонимы); герои, обладающие чертами характера, пользующимися уважением; ритуалы, т. е. коллективные действия, имеющие социальную значимость, и жизненные ценности, которые предполагают «чувства, имеющие положительные и отрицательные стороны» [Хофстед 1996: 85].

Определенный материал для суждений об особенностях русской ментальности и духовной культуры сибирских первопоселенцев XVII — н. XVIII в. дает изучение бытовавших у них

личных имен, отчеств, прозвищ и фамилий, зафиксированных в памятниках деловой письменности. Особенно пристального внимания, ввиду их информативности, требуют прозвища и образованные от них фамилии. «Прозвища подчас вытесняли исконные или полученные при крещении имена, часто употреблялись как фамилии или наряду с ними» [Люцидарская 1996: 95]. Являясь определенным средоточием культуры народа, они в то же время были и порождением народной культуры.

Анализ антропонимов (свыше 800 ед.), выявленных нами при изучении деловых документов XVII — начала XVIII вв. из фондов Государственного архива Тюменской области, позволяет обозначить те признаки именованного, которые выделяет в нем человеческое сознание и которые наиболее актуальны для него. Зафиксированные в тюменских текстах прозвища и фамилии служат источником разнообразных сведений об их носителях и отражают особенности складывающейся духовной культуры региона.

Своеобразие русской ментальности проявляется прежде всего в наличии так называемых «охранных», «обереговых» или «обманных» имен. На Руси имя, данное при крещении, хранили в тайне, а в быту пользовались другим, обереговым. Считалось, что охранные имена предохраняют ребенка от гибели. К их числу относятся, во-первых, имена, образованные от названий крупных и сильных животных, представлявших опасность для человека: Волк, Медведь и др. В древности думали, что человека по имени Волк не съест волк. Если у них одинаковые имена, то они в родстве с названными животными, а брат не будет есть брата [Суперанская 2007:18].

Следует заметить, что среди антропонимов, образованных от названий животных, много также тотемных имен, связанных с древнейшими представлениями о том, что тот или иной род людей ведет свое происхождение от определенного вида животных, чьим именем он и называется. Таковы древнерусские имена Волк, Заяц, Лиса, Медведь, Лебедь, Скворец и др.

В позднейшие времена прозвища такого типа могли даваться метафорически, на основе некоторого сходства с определенными животными, и в этом процессе можно отметить ментальные особенности разных народов и культур. Так, прозвище Медведь в русской традиции могло обозначать либо крупного, сильного, либо неуклюжего, неловкого человека. Прозвище Свинья могло быть дано либо толстому, либо неопрятному человеку. В китайском же языке, в котором значение «недостаток ума», как правило, сочетается со значением «толстый, большой, неуклюжий человек», свинья (*zhu*) и медведь (*xiong*) выступают в качестве типичных носителей глупости, а «обозначающие этих животных слова имеют переносное значение «глупый человек». Ср. номинацию глупого человека с помощью выражения *zhutou* — «голова свиньи» [Чэнь Сяо Хуэй 2010:101]. В русской культуре, как отмечает Чэнь Сяо Хуэй, «нет животного, устойчиво ассоциирующегося с умом. В китайском языке активно используется сравнение «умный, как обезьяна». Зоометафора «обезьяна» достаточно распространена (он — умная обезьяна). Однако причина, по которой именно обезьяна рассматривается как эталон ума, кроется, очевидно, не столько в свойствах самого этого животного, сколько в свойствах литературного персонажа, т.е. культурно обусловлена. Первоисточником этой метафоры является образ главного героя одного из четырех китайских классических романов «Путешествие на запад» — волшебная обезьяна. Затем этот образ повлиял, очевидно, и на восприятие свойств обезьяны как животного» [Там же: 97].

К подобным охранным, тотемным или метафорическим прозвищам восходят зафиксированные в наших материалах фамилии Волков, Воробьев, Воронин, Гагарин, Ершов, Журавлев, Жуков, Зайцев, Кабанов, Клячин, Кобылин, Козловский, Комаров, Конев, Куликов, Лосев, Медведев, Мухин, Орлов, Паутов, Птицев, Рыбкин, Саранчин, Снегирев, Сорокин, Тараканов, Утка, Чеглоков, Чирков, Щукин.

Если вернуться к охранным именам, то к ним относятся также названия, данные по малочисленным предметам, чтобы предохранить ребенка от порчи, сглаза: Ухват, Кочерга, Подушка,

Армяк и под. [Суперанская 2007: 8]. В наших материалах к таким прозвищам, возможно, восходят фамилии Веревкин, Бураков (бурак — «туесок из бересты; свекла»), Ведров, Веселков (весёлко — «лопатка для размешивания теста»), Лагунов (лагун — «ушат, ведро»), Пестерев (пестерь — «большая, высокая корзина»).

В третью группу охранных имен входили имена с отрицательной оценкой типа Злоба, Злодей, Докука, Некрас, Нелюб, Неупокой, Неустрой, Несмел, Неудача и под. Считалось, что злые духи не обратят внимания на ребенка с «плохим» именем и не причинят ему зла. Отсюда такие фамилии, зафиксированные в тюменских текстах, как Некрасов, Нехорошев, Горемыкин, Горяинов (горяин — «горемыка, несчастливый»). А.В. Суперанская приводит примеры совершенно особой переделки имен вследствие суеверия, свойственного нашим предкам: «Называя ребенка Всеволод, в быту именовали его Нечволод, т. е. «ничем не владеющий», называя сына Ратибор, Ратислав или Ратимир, они в быту звали его Нерат, т. е. «не-воин», не умеющий сражаться, не годный для ратного дела» [Суперанская 1991:121].

Итак, обереговые, охранные имена — это древнейший пласт русской антропонимии, сохранивший своеобразные суеверные представления о воздействии нечистой силы на имя человека.

Что касается остальных прозвищных имен и образованных от них фамилий, то в разные времена и в разных культурах принцип номинации оставался одним и тем же: прозвищные имена давались по наиболее ярким чертам, отличающим данного человека от прочих. Выделяют ряд универсальных факторов, к которым люди обращаются при их создании, например: внешний вид человека (Долгий, Малыш, Безнос), черты его характера (Добрый, Щедрый, Скупой), поведение (Мошенник, Дурнопьян, Хлебосолов), род деятельности (Пивовар, Рыболов, Сукновал), место прежнего проживания (Астраханец, Вологжанин, Тверитин) и др. Несмотря на то, что человеческое сознание устроено универсально, разные языки по-разному отражают мир, что проявляется в различиях между языковыми картинками мира, представленными различными средствами номинации того или иного смысла.

Так, при описании внешности именуемого в анализируемых антропонимах наряду с общей её оценкой (Красотин, Чахлой) отмечены отдельные признаки, бросающиеся в глаза. Наибольшее внимание при этом уделяется голове и лицу именуемого: Головин, Качанов (кочан / качан — «голова»), Рожин, Турбенева (турбень — «морда лошади», перен. «человек с некрасивым лицом»), Ряб, Рябов, Шадрин («рябой от оспы»), Черной, Черных, Чернышов («со смуглым цветом лица или очень темными волосами»), Корноухов («с маленькими или обрезанными ушами»), Глазунов («с большими или выпученными глазами»), Губин, Губарев («толстогубый»), Зубарев («с большими или выпирающими зубами»), Носов, Бородин, Бородкин, Белобородов, Белоусов, Черноусов, Космарев, Мохнаткин («косматый»), Лысов, Колтунов («с колтуном в волосах»), Нащокин («с румянцем во всю щеку или опухолью, раной на щеке»). Особенности мимики отражены в фамилии Коверин (коверить — гримасничать, передразнивать, потешать честной народ). При этом, возможно, фамилии типа Головин, Качанов характеризуют не только внешность именуемых, но и уровень их умственных способностей, так как во многих культурах «быть умным / разумным» означает «быть с головой», в том числе «быть с большой головой», «иметь голову на плечах», ср. современные характеристики «головастый, башковитый».

На рост именуемого указывают, с одной стороны, фамильные прозвания Крохоткин, Огрызков, Малков, Курбатов (курбатый — «малорослый»), с другой — Долгой / Долгов, Долгушин, Нагибин, Витенев (витень — «худой, высокий»).

Особенности фигуры, телосложения человека переданы в таких именовании, как Брюханов («пузатый»), Кривогуз / Кривогузов (кривая гузка / гузно — «низ и зад чего-л. или живот»), Тельнов (от «тельная корова», т. е. «толстый, большой»), Дюжин («плотный, крепкий»), Сухой, Сухан («тощий, худой»), Чирков (чирок — перен. «тощий, хилый»), Коштинцов («худой»), Из-

веков («калека, увечный» от *извековать* — «изувечить»), Неклюдов (неклюд — «нескладный человек»), Чуклин (чукля — «кривой, согнутый»), Костыгин (костыга — «крупная кость»).

При именовании человека по внешности в нашем материале чаще акцентируется внимание на его ногах и походке: Туполап («с толстыми, как бы обрубленными стопами»), Копытов, Колча («хромой»), Култышев («хромой»), Салтыков (тюрк. «хромой, некрепкий на ноги»), Перевалов (перевал — «человек, который ходит вперевалку»), Ходкин («много и быстро ходит»). Реже — на руках: Беспалой / Беспалов, Шульга («левша») и Пакля (пакля — прм. «левая рука, левша», перен. «неловкий, неуклюжий человек»).

Осуждение неопрятности, физической нечистоты проявляется в таких наименованиях, как Грязнухин, Загваздин (загвазда — «грязнуля»), Рудаков (руда — «грязь, чернота на теле, одежде»; возм., и от рудый — «рыжий»), Охребенков (возм., связано с охредь — «неопрятный человек», охрёпа — «неопрятный, грязный, оборванец»), Кутафин (кутафья — «неуклюже, безобразно одетая женщина»), Хухарев (хухря, хухряй — «растрепанная, замарашка»). Противоположные качества отражены в фамилии Чистяков («чистоплотный, опрятный»).

Как свидетельствуют собранные нами материалы, при обозначении черт характера, поведения, интеллектуального и культурного развития именуемого наиболее активны номинации лиц по особенностям коммуникации (непонятная или быстрая речь, высокий или громкий голос и пр.), из чего следует, что речь для русского человека является очень важной характеристикой: Сесюнин (возм. от сесека, сюсюка — «шепелявый»), Бурмин / Бурмакин (бурма — «косноязычный»), Пискулин («с писклявым голосом»), Чекушев / Чикишев (чекуша — «говорун, бойкий, говорящий быстро человек»), Гундоров (гундора, гундорка — «болтун», гундорить — твр. «болтать»; возм. и от гундосить, гундявить — «гнусить, говорить в нос»), Тараданкин (тарадан — «болтун»), Бутурлин (бутурла — «болтун, пустомеля, враль»), Тырков (тырыкать — «пустословить, врать»), Хлюскиных (хлус — «враль, пустомеля»), Подшивалов (подшивала — «остряк, насмешник, тот, кто *подшивает* языком»).

С речью связаны и определенные черты характера именуемых, как правило, с отрицательной оценкой: Булыгин («грубый человек, невежа»), Суровый, Молчанов, Кухтерин / Куфтерин (куфтера — «замкнутый, неразговорчивый человек»), Коклягин (кокляга — «сплетник»), Чмутин (чмутить — «ссорить людей, сплетничать»). Характеристика «хвостун» присутствует в антропонимах Бусыгин (бусить — «хвастаться»), Голохвастов, Бахта (бахтить — «бахвалиться, хвастаться»). Приведенные примеры зафиксировали осуждение русским человеком таких качеств, как лживость, хвастовство, грубость, любовь к сплетням.

В работах известных отечественных мыслителей и лингвистов Н. Бердяева, Ю. Сорокина, А. Вежбицкой и др. среди основных свойств русского характера отмечены открытость, импульсивность, эмоциональность [Вежбицкая 1997]. Анализируя документы XVI в., Н.В. Подольская отмечает: «Как теперь, так и в старину бывали шумливые семейства, но сейчас это скрыто под нейтральными именами и фамилиями. А тогда было выставлено напоказ: сыновья и внуки Тырта (тырта — «краснобай, спорщик, сварливый») звались Шум, Гам и Зук («звук, звон, гул») Семеновичи Тыртовы. А у Зук был еще сын Крик Зуков Тыртов. И вот наконец у Гама родился спокойный сын и сразу же был отмечен именем Мир Гамов Тыртов. Бывали и более беспокойные семьи: Суета, Суорма («суета, беспорядок»), Неустрой и Булгак («склочник, вздорный») Васильевичи — четыре сына Василия Яковлевича Безсоньева» [Подольская 1994: 89].

В собранном нами антропонимическом материале фамилии, связанные с импульсивным, эмоциональным характером именуемых, занимают главное место, что свидетельствует не только о распространенности данной черты русского характера, но и о ее осуждении в обществе. На крикливого, сварливого человека указывают фамилии Буторин (бутора — «шум, гам, крик»), Бутаков (бутить — «шуметь»), Верещагин (верещага — «тот, кто верещит, громко кричит»), Горланов, Гапков (гапить — «вопить»), Галашев (галашить — «горланить, кричать,

браниться»), Зуев (зуй — «крик, шум»), Рычков, Скилов (скилиться — «браниться, ругаться»), Стукалов (стукало — перен. «шумный человек»), Колотилов (колотило — перен. «шумный, сварливый»), Ягармин (ягарма — «баба-яга, сварливая женщина»). На буйного, вспыльчивого — такие номинации, как Гневашев, Запыл («вспыльчивый»), Байдаков (байдак — «озорник, буйан»), Опрокиднев (опрокидень — «сердитый, вспыльчивый, сумасшедший, бешеный»), Бузолин (бузун — «буйан, задира»), Гилёв (гилевать — «буйнить, бесчинствовать»).

Признак «медлительный, вялый» в большинстве антропонимов сочетается с такими характеристиками, как «рохля, разиня», ср.: Киселёв, Квашнин («медлительный, вялый»). Ляма («мямля, разиня»), Бабилов (бабик — «флегматичный человек»), Копотило («копотливый, нерасторопный»), Рахвалин (рохвала — «рохлый, вялый»), Рякшин (ряхаться — «медлить, копать»), Тюринов (тюря — «рохля, ротозей, вялый, разиня»), Шишелякин (шишлять — «копать, мешкать»).

Высокие моральные принципы, связанные с христианскими ценностями, получили соответствующую оценку и в прозвищных наименованиях. Русский народ осуждал отсутствие стыда, мошенничество, воровство, пьянство и распущенность, что проявилось в таких номинациях, как Позорников, Мошенников, Мухлыга («обманщик, плут», ср. мухлевать — «обманывать»), Кривдихин, Окаёмов (окаём — «плут, обманщик»), Сакутин (сакать — «прибирать к рукам, присваивать, таскать»), Шарыгин (шарыга / шаромыга — «обманщик»), Катыш (катать — «кутить, гулять»), Кунтя (кунтовать — «безобразно пить»), Пьянков, Похмельной.

Упрямство, тупость как отрицательные характеристики присутствуют в антропонимах Батуринов (батура — «упрямый, непослушный»), Кокорин / Кокорев (кокористый — «упрямый, своенравный»), Карякин (карячить — «упрямиться»), Обух («глупый, упрямый»). Противоположные черты характера и поведения лежат в основе следующих прозвищ и образованных от них фамилий: Суровый — Мякинин, Угрюмов — Улыбин, Дрогалев (дрогаль — «пугливый, робкий»), Смирныга («тихий, смиренный») — Удальцов, Лихачев («удалой, отважный»).

Анализ прозвищ и прозвищных фамилий, зафиксированных в тюменских деловых документах из фондов ГАТО, показал, что человек именуемый представляется в них во всем разнообразии характеристик своей внешности, речи, черт характера и поведения, при этом в большинстве анализируемых антропонимов сохранены диалектные основы, а в способах номинации человека закреплена историческая память, чувства и духовная культура русского народа.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
2. Люцидарская А.А. Личное имя в системе коммуникативной культуры (Сибирь XVI — н. XVIII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. №3. С. 92-96.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2010.
4. Подольская Н.В. Может ли у соловья вывестись скворец? // Русская речь. 1994. №5. С. 87-89.
5. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М., 2010.
6. Суперанская А.В. Имя — через века и страны. М., 2007.
7. Суперанская А.В. Похоже, но не одно и то же // Русская речь. 1991. №4. С. 118-121.
8. Хофстед Г. Различия и опасность: особенности национальных культур и ограничения в толерантности // Высшее образование в Европе. Т. XXI. 1996. №2. С. 82-95.
9. Чэнь Сяо Хуэй. Наименования лиц по наличию / отсутствию ума в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. №5. С. 95-102.